Идея прогресса в восприятии Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого

Алла Полосина (Москва)©

Одно из самых амбивалентных понятий прогресса было провозглашено ж.-ж. Руссо. Его концепция подвергла сомнению некоторые фундаментальные аспекты философии Просвещения. *Рассуждение о науках и искусствах* начинается с похвального слова прогрессу:

> Сколь величественно и прекрасно зрелище, когда видим мы, как человек в некотором роде выходит из небытия при помощи собственных своих усилий[1].

По его мнению, Возрождение вытянуло Европу из долгой ночи, в которое его погрузило Средневековье, а настоящая наука обладает бо́льшими преимуществами, чем схоластика. Но прогресс знаний сопровождается деградацией нравов, который Руссо разоблачает в своем творчестве.

Одна из самых оригинальных и глубоких идей Руссо, оценка культуры как показатель деградации человека, произвела на Толстого сильное впечатление. Эта идея поразила и современников Руссо, так как это была эпоха глубокой веры в прогресс. Большинство просветителей (Вольтер, Ж. Кондорсе, И. Кант и многие др.) верили в прогресс, то есть в поступательное движение цивилизации к высшему разумному благу.

> В век Просвещения Руссо выдвинул тезис, что прогресс наук и искусств приносит вред, ведет к деградации общественных нравов. Он шел против течения и исходил из того, что человеку присуще «врожденное нравственное чувство», то есть он изначально добр и совершенен и когда жил по велениям своей непорочной природы, то не существовало тех зол, которыми теперь полон мир. По Руссо, просвещение вредно и самая культура – ложь и преступление.
>
> Критика Руссо цивилизации получила поддержку в мировоззрении Толстого, который был беспредельно чувствителен к вопросам нравственности как самым важным и вечным. Он сдержанно относился к науке и к ученым. Следуя Ж.-Ж. Руссо, он видел противоречие социального и научного прогресса, опасался накопления знаний без учета того, приносят ли они благо человеку.

М. М. Бахтин в своих размышлениях о *Войне и мире* писал, что «образы главных действующих лиц изображены генетически, ... не даны готовыми»[2]. То же происходит и с мировоззрением Толстого, оно генетично и не дано готовым. Это связано с особенностями его мышления, психики, с устремленностью к вечному поиску истины, а более всего с тем, что он не стремился создавать целостную философскую систему из-за скептического к ней отношения.

Заметим в скобках, что Толстой шел в ногу со временем. В Европе после Гегеля философы перестали заниматься построением всеобъемлющих систем. По глубокому убеждению Толстого,

---

© Полосина Алла Николаевна, старший научный сотрудник музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

философская система, кроме ошибок мышления, несет в себе ошибки системы. В какую форму ни укладывай свои мысли, для того, кто действительно поймет их, мысли эти будут выражением только нового миросозерцания философа[3].

Он ценил тех мыслителей, которые

содействовали познанию законов человеческой жизни не стройными системами, а отдельными наблюдениями над ... жизнью, меткими выражениями, указывающими на те вечные законы, которые руководят ею (40, 217).

Отсюда постоянная переоценка своих собственных взглядов, суждений, миропонимания, склонность к кратким высказываниям, к созданию философем. В конце жизни это проявилось в дневниках последних лет, в создании книг *На каждый день*, *Круг чтения*, *Путь жизни*.

Идея прогресса в восприятии Толстого генетична, текуча, она развивалась во времени. Восторженное восприятие Толстым идеи прогресса не помешало полемике с философом в первых философских опытах. В педагогических статьях критически проанализированы почти все основные теории прогресса XIX в. В годы создания *Войны и мира* восприятие прогресса Толстым звучит резонансом с Руссо. Впоследствии руссоистская концепция прогресса претерпела идеологическую «переакцентуацию» (М.М. Бахтин). Руссо отрицал науку, Толстой – ложную науку; Руссо отвергал искусство, Толстой – ложное искусство[4], то есть искусство, не отвечающее требованиям нравственности; Руссо отрицал цивилизацию, Толстой – лжехристианскую цивилизацию[5], то есть, как отметил Н.А. Бердяев, «безбожную цивилизацию, которая является неизбежным результатом культуры, отделившейся от жизни»[6]. По его мнению,

нравственное и религиозное сомнение Толстого в оправданности культуры и культурного творчества было характерно русским сомнением, русской темой[7].

На протяжении почти всего XIX в. идея исторического развития, прогресса, эволюции была в науке о природе и об обществе ведущей. Интересу Толстого к одной из основных идей Просвещения – идее прогресса, способствовала мифологизация наследия французских философов-просветителей, путешествия в Европу, педагогические штудии, бесконечные философско-художественные искания, исследования, уяснение вопросов бытия. Это выразилось в художественных произведениях, педагогических статьях, трактатах, в дневниковом, эпистолярном творчестве, в книжных маргиналиях.

«Интрига предопределения»[8], завязавшаяся в дневнике 26 мая 1860 г., предвещала исследование идеи прогресса, одной из исходных идей эпохи Просвещения. Молодой Толстой предполагал основать не только новую религию, но и свою «религию прогресса» (48, 25). Он столь глубоко думал об этом, что ему приснились «мысли»:

Видел необычайный сон – мысли: Странная религия моя и религия нашего времени, *религия прогресса* (курсив мой – А.П.). Кто сказал одному человеку, что прогресс – хорошо. Это только отсутствие верования и по-

требность сознанной деятельности, облеченная в верованье. Человеку нужен порыв, Spannung (48, 25).

В *Исповеди* он писал, что

> продолжал жить, исповедуя только веру в прогресс. «Все развивается, и я развиваюсь; а зачем это я развиваюсь вместе со всеми, это видно будет» (23, 8–9).

Фаза веры в прогресс была недолгой. Сомнения в ценностях цивилизации во время путешествий в Европу существенно подорвали веру Толстого в прогресс. Такая же участь постигла веру в науку. Скептицизм к господствующим в это время в науке позитивистским, эмпирическим теориям познания выразился в критике всех современных концепций прогресса, в том числе Т.Р. Мальтуса, Т.Б. Маколея, Г.Т. Бокля, Б. Кидда, Г. Спенсера и др.

Толстому была хорошо известна теория социального прогресса популярного в России Герберта Спенсера. По мысли английского философа-позитивиста эволюция человечества выражается в прогрессе, который приведет человечество к совершенству и счастью. Процесс эволюции состоит из огромного числа последовательных изменений, но не знает резких скачков. Интерес Толстого к его идее плавного, эволюционного, постепенного прогресса выразился в художественных произведениях, в трактатах, всегда непосредственно связанных с его художественным творчеством, в дневниках, даже на подсознательном уровне, например, во сне. 1 марта 1904 г. он записал в дневнике:

> Видел сон. Я разговариваю с Гротом и знаю, что он умер, и все-таки спокойно, не удивляясь, разговариваю. И в разговоре хочу вспомнить чье-то суждение о Спенсере или самого Спенсера, что тоже не представляет во сне различия. И это рассуждение я знаю и говорил уже прежде. Так что рассуждение это было и прежде и после. То, что я разговаривал с Гротом, несмотря на то, что он умер, и то, что рассуждение о Спенсере было и прежде и после и принадлежало и Спенсеру и другому кому-то – все это не менее справедливо, чем то, что было в действительности, распределенное во времени (55, 18).

То, что интересует Толстого, интересует его героев, становится фактом жизни Левина или Нехлюдова и исторической приметой. В *Воскресении* он пишет:

> В этот год еще в университете он прочел «Социальную статику» Спенсера, и рассуждения Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатление, в особенности потому, что он сам был сын большой землевладелицы. Отец его был небогат, но мать получила в приданое около 10 тысяч десятин земли. Он в первый раз понял тогда всю жестокость и несправедливость частного землевладения (32, 43).

Нехлюдов, высказывая свой взгляд на земельную собственность, предполагал, что

> Землю... нельзя ни продавать, ни покупать, потому что если можно продавать ее, то те, у кого есть деньги, скупят ее всю и тогда будут брать с тех, у кого нет земли, что хотят, за право пользоваться землею. Будут брать деньги за то, чтобы стоять на земле, – прибавил он, пользуясь аргументом Спенсера (32, 228).

В трактате *Так что же нам делать?* рассматривается сочинение Спенсера *Социальная статика*. За сходство с церковными догматами теория эволюции Спенсера воспринимается Толстым как «популярное научное вероучение» (25, 341), а самого Спенсера он называет «Василием Великий этого «вероучения». Критика эволюционной теории Спенсера также были известна Толстому по книге Генри Джорджа *Прогресс и бедность*. В трактате *Что такое искусство?* он высоко оценил эстетические воззрения Спенсера и назвал одним из выдающихся английских эстетиков начала XIX столетия (30, 54).

Педагогическая деятельность, затеянная «во имя прогресса» (23, 9), сопрягалась с критическим к нему отношением. В статье *О народном образовании* (1862) Толстой, исследуя все исторические и современные философско-педагогические теории, задает себе вопрос: «в чем состоит ... всеобщая вера прогресса?» (8, 7). С наибольшей полнотой отвечает на него в статье *Прогресс и определение образования* (1863), которая выросла из полемики с историком Маколеем, экономистом Мальтусом, писателем и педагогом Е.Л. Марковым и английским историком-позитивистом Г.Т. Боклем, автором очень популярной в России в 1860–1880 гг. книги *История цивилизации в Англии*. Последние – оба поклонники прогресса. Толстой критически исследует теорию прогресса Бокля, который выдвигает на первый план прогресс, но отрицает всякий нравственный прогресс. По мысли английского ученого прогресс цивилизации есть путь, по которому идет «*известная часть человечества»* к благосостоянию. В общее понятие включается прогресс социальный, экономический, прогресс наук, искусств, ремесел, изобретение пороха, книгопечатания и т. д. Для Толстого одно только сомнение в том, что прогресс приведет к благосостоянию весь народ и все человечество, перечеркивает все.

> Признать прогресс можно тогда, когда не только «*известная часть человечества»*, а весь народ», «простой рабочий народ», то есть «9/10 населения» России, признает его пользу. Скептицизм принес свои плоды: в социальном, в историческом прогрессе Толстой разочаровался. В «религии прогресса» он разуверился, так как кроме веры, ничто не доказывает необходимости прогресса (8, 335).

Кроме того, «движение цивилизации вперед» воспринимается писателем как «одно из величайших *насильственных* (курсив мой – А.П.) зол» (8, 346). Впоследствии, все больше утверждаясь в этой мысли, устами одного из персонажей *Анны Карениной* он скажет, что

> всякий прогресс совершается только властью. ... Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европейскую историю. Тем более прогресс в земледельческом быту. ... Картофель – и тот вводился у нас силой ... сушилки, и веялки, и возка навоза, и все орудия – все мы вводили своею властью (18, 350).

Главная мысль, которая больше всего «преследовала» Толстого при работе над статьей *Воспитание и образование* – это «мысль о нелепости прогресса» (48, 40). Основная идея статьи *Прогресс и опре-*

деление образования (1863) и вывод, который вытекает из его рассуждений о прогрессе, состоит в том, что

> закон прогресса, или совершенствования, написан в душе каждого человека ... Прогресс вообще, во всем человечестве, есть факт недоказанный и несуществующий для всех восточных народов, и потому сказать, что прогресс есть закон **человечества (8, 333) неосновательно.**

По Толстому, истинный прогресс – это «прогресс добродетели» (8, 354). Выводы о прогрессе нравственного совершенствования как «прогрессе добродетели», в которых утвердился Толстой, определят дальнейшее направление исследования этой проблемы. Он останется верен этому убеждению до конца дней. Когда в 1908 г. в главе *Прогресс как иллюзия* книги *Руководство для революционера* Бернарда Шоу он прочел суждение, что

> пока человек остается тем, что он есть, не может быть никакого прогресса дальше того, что уже достигнуто», то написал автору, что особенно ему понравилось его «отношение к цивилизации и прогрессу, та совершенно справедливая мысль, что сколько бы то и другое ни продолжалось, оно не может улучшить состояние человечества, если люди не переменятся (78, 201).

В толстовской художественно-философской системе едва ли не единственными приверженцами прогресса был Вронский и Стива Облонский[9].

> Несмотря на всю свою светскую опытность, Вронский, вследствие того нового положения, в котором он находился, был в странном заблуждении. Казалось, ему надо бы понимать, что свет закрыт для него с Анной; но *теперь* (здесь и далее курсив мой – А.П.) в голове его родились какие-то неясные соображения, что так было только *в старину*, а что *теперь*, при быстром прогрессе (он незаметно для себя *теперь* был сторонником всякого прогресса), что *теперь* взгляд общества изменился и что вопрос о том, будут ли они приняты в общество, еще не решен. «Разумеется, – думал он, – свет придворный не примет ее, но люди близкие могут и должны понять это как следует» (19, 99).

Для Вронского, устремленного к карьере, общественное мнение – это мнение высшего общества. Он ищет независимости от него, надеется на прогресс общепринятых представлений и терпит поражение. Здесь вновь появляется, варьирующийся в *Анне Карениной*, мотив сопоставления прошлого и настоящего, «прежде» и «теперь». «Прежде» – это *старина,* Россия до реформы 1861 г., «*теперь*» – это «век перемен», «мечущееся время» (Ф.М. Достоевский), когда в России «все переворотилось и только укладывается» (18, 346). Судьба Вронского предопределена страхом перед всесилием частного («люди близкие могут и должны понять это как следует») и общественного мнения[10] и авторской волей. В вышеприведенном фрагменте мотив «прежде» и «теперь» играет роль авторского подтекста. В подтексте – скептицизм Толстого, уже давно осознавшего, что частное и общественное мнение зависят не от прогресса цивилизации, а от прогресса нравственности.

Доминантой этого фрагмента является противопоставление естественного чувства и общественного мнения, хорошо знакомая Толсто-

му по роману *Юлия, или Новая Элоиза*[11]. Согласно Руссо, общественное мнение это что-то незыблемое, внеисторическое. В *Письме к Д'Аламберу о зрелищах* он пишет, что «общественное мнение – этот властелин мира – не подчинено королям; они сами рабы его»[12]. Руссоистская идея о всесилии общественного мнения в политической, социальной жизни, в литературе и искусстве получила дальнейшее развитие в трактате *Царство божие внутри вас* (1890–1893).

Однако толстовская критика культуры, как увидим дальше, была шире и последовательнее, чем руссоистская. По Толстому,

> основною силою, двигавшею и двигающею людьми и народами, всегда была и есть только одна невидимая, неосязаемая сила – равнодействующая всех духовных сил известной совокупности людей и всего человечества, выражающаяся в общественном мнении (28, 204).

В дальнейшем мотив общественного мнения возрождается в трактатах, а также во «внелитературных высказываниях»: репликах, дневниках, письмах последних десятилетий, которые почти неотделимы от художественных произведений. Те же идеи, те же проблемы, те же мотивы. К примеру, в письме редактору английской газеты 10 сент. 1895 г. по поводу гонений духоборов он пишет, что

> средство помочь как гонимым, так в особенности гонителям, ... есть только одно: гласность, представление дела на суд общественного мнения, которое, выразив свое неодобрение гонителям и сочувствие гонимым, удержит первых от их часто только по темноте и невежеству совершаемых жестокостей и поддержит бодрость во вторых и даст им утешение в их страданиях (68, 173).

Обращает на себя типологическое сходство между суждением Руссо («общественное мнение – этот властелин мира – не подчинено королям») и мнением Толстого, высказанным по поводу запрещения в 1896 г. правительством Комитетов грамотности в письме А.М. Калмыковой.

> Единственная силой, которая покоряет правительства» является «общественное мнение, требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности (69, 137).

Толстой, как видим, дополняет значение общественного мнения в жизни общества гражданско-этическими ценностями.

В письме Евгению Рейхелю 2/15 марта 1907 г. Толстой вносит коррективы к ложным представлениям общепринятого мнения об искусстве «толпы, печатающей и читающей»:

> Для суждения о художественных произведениях нужно художественное чувство. ... Определяет же достоинство художественных произведений толпа, печатающая и читающая. В толпе же всегда больше людей и глупых и тупых к искусству, и потому и общественное мнение об искусстве всегда самое грубое и ложное. Так это всегда было и так в особенности в наше время, когда воздействие печати все более и более объединяет тупых и к мысли и к искусству людей (77, 50–51).

Эта же мысль повторяется в дневнике 9 окт. 1900 г.:

> Литераторам, их трудам приписывается неподобающее им значение и важность, потому что в руках литераторов – пресса, устанавливающая общественное мнение. Только этим можно объяснить эти странно серьезные рассуждения критиков о значении героев поэм, романов... (54, 46).

Размышления о социальном прогрессе еще больше укрепили Толстого в мысли о том, что человечество ни физически, ни духовно не становится здоровее. Отсюда его идеализация патриархального быта. На эту тему написан рассказ *Зерно с куриное яйцо* (1886), идея которого об «уходе от естественной жизни», перекликается с призывом Руссо «Назад, к природе!». То есть к тому, что соответствует требованиям «совершенной» природы человека. В рассказе уже нет той несовместимости патриархальных идеалов и беспокойной деятельности разума – основной темы и противоречием романа *Анна Каренина*. В *Зерне с куриное яйцо* мотив сопоставления прошлого и настоящего, «прежде» и «теперь» связан со стремлением к естественности, с идеализацией патриархальности. «Старина», «прежде», прошлое – это «потерянный рай», «естественное состояние»: «Земля Божья: где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своим только труды свои называли» (25, 66). Тезис «земля Божья» сопрягается с принципом собственности Руссо «земля ничья»: «плоды земли – для всех, а сама она – ничья»[13]. В рассказе противопоставляются три старика: дед, сын и внук. Дед – «старик ... без костылей; вошел легко; глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно» (25, 65). Сын – «старый старик на одном костыле», царь ему зерно показал, он «еще видит глазами, хорошо разглядел» (25, 65). Внук – «старик, зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях» (25, 64). На вопрос царя, «отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко; глаза у тебя светлые, и зубы крепкие, и речь ясная и приветная?» (25, 66), дед отвечает:

> Оттого, что перестали люди своими трудами жить, – на чужое стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-Божьи; своим владели, чужим не корыстовались (25, 66).

«Теперь» – это время, когда разорвана связь между явлением и сущностью, люди друг от друга отчуждены, они «перестали ... своими трудами жить, – на чужое стали зариться» (25, 66). Открытая Толстым-Левиным истина в словах Фоканыча «жить по-Божьи» стала главным мотивом рассказа *Зерно с куриное яйцо*. Из противопоставления естественного состояния и социального прогресса видна идеализация прошлого, «старины», «патриархальности», естественного состояния.

25 апреля 1895 г. Толстой прочел некую статью *Из хроники открытий и изобретений* в *Русских ведомостях* (№ 111. 24 апр.), которая вызвала такую запись в дневнике:

> Нынче читал ... мечтания какого-то американца о том, как хорошо будут устроены улицы и дороги и т. п. в 2000 году, и мысли нет у этих диких ученых о том, в чем прогресс. И намека нет (53, 25).

Толстой ждал, мечтал, думал о

> другом единственно важном прогрессе – не электричества и летанья по воздуху, а о прогрессе братства, единения, любви, установления царства Божия на земле (53, 25).

Противопоставление материального и морального прогресса решается им в пользу нравственного прогресса.

Об устойчивом интересе к современным теориям прогресса свидетельствуют материалы яснополянской библиотеки. Например, книга английского философа-идеалиста, социолога *Кидда Социальная эволюция*[14]. Толстой уже был знаком с трактатом американского экономиста Генри Джорджа *Прогресс и бедность*. В авг. 1895 г. он «с интересом» читал *Kidd'a Social Evolution* (68, 188). Толстовская догадка о религии как об основе человеческого прогресса нашла подтверждение в теории Кидда. Об интересе к его трактовке прогресса как прогресса религии свидетельствуют многочисленные NB на полях книги, записи в дневнике, записных книжках и черновые варианты трактата *Что такое искусство?*. 5 авг. 1895 г. в дневнике Толстой оставляет пространную запись:

> Думал, читая книгу Кидда. В чем прогресс? Прогресс, по мне, состоит во все большем и большем преобладании разума над животным законом борьбы, по эволюционистам же – в торжестве животной борьбы над разумом, потому что только вследствие этой животной борьбы, по их понятиям, может совершаться прогресс. Другое, что думал, читая книгу Кидд'а, это то, что наука тогда только наука, когда она исследует то, что должно быть. По учению же эволюционистов, наука должна исследовать то, что было и что есть, и объяснять, почему хорошо то, что есть. ... И потому у них выходит, что борьба есть необходимое условие прогресса и потому хороша. ... По Кидду выходит, что главный двигатель человеческого прогресса есть религия, религия же есть неразумный инстинкт, который поэтому нельзя изучать. ... Я же считаю, что нужно изучать именно это, религию, т.е. то, что служит основой человеческого прогресса (53, 48).

В результате исканий Толстой приходит к выводу, что «причиной движения вперед человечества» являются «религии», то есть, то, что он называет «новым пониманием смысла жизни». По Толстому, «религии не только не мешали прогрессу», но именно в них надо искать

> причину и направление каждого шага вперед человечества на пути движения к добру и единению. (Я знаю в ученой европейской литературе только одно исключение – это вышедшая недавно книга Кидда «Social Evolution», в которой Кидд, хотя и не понимая истинного значения религии, как эволюционист и строгий опытный исследователь, не мог не признать того, что в основе движения вперед человечества всегда была религия)[15].

Далее полемика с английским философом-идеалистом продолжается в дневнике:

> Кидд говорит, что прогресс совершается не разумными силами, а инстинктом слепым, религиозным. Но он говорит, что прогресс совершается только при условии размножения своих средств существования, т.е. наибольшего размножения. Неужели религиозное чувство влечет человека только к размножению? ... Но милосердие ведь прямо противуположно размножению и борьбе. А оно составляет основу почти всех религий (53, 49).

Здесь Толстой вновь возвращается к своей излюбленному мотиву милосердия.

В трактате *Что такое искусство?* из определения прогресса Толстой выводит понятие истинного искусства.

> Если в человечестве совершается прогресс, то есть движение вперед, то неизбежно должен быть указатель направления этого движения. И таким указателем всегда были религии. Вся история показывает, что прогресс человечества совершался не иначе, как при руководстве религии (30, 153).

По Толстому, «необходимым руководителем прогресса» является религиозное сознание, то есть этически религиозное сознание (не в догматическом смысле).

> На основании этого религиозного сознания должно быть расцениваемо и наше искусство; и точно так, и всегда и везде, должно быть выделено из всего безразличного искусства, сознано, высоко ценимо и поощряемо искусство, передающее чувства, вытекающие из религиозного сознания нашего времени (30, 154).

Далее Толстой говорит, что

> религиозное сознание нашего времени … заключается в братской жизни всех людей, в любовном единении нашем между собой. Сознание это выражено не только Христом и всеми лучшими людьми прошедшего времени и не только повторяется в самых разнообразных формах и с самых разнообразных сторон лучшими людьми нашего времени, но и служит уже руководящею нитью всей сложной работы человечества (30, 154).

То есть, как писал В.Ф. Асмус, «под религиозным сознанием» понимается нравственное (этическое) сознание, то есть сознание смысла жизни, утраченное в христианстве, начиная с проповеди Павла, не знавшего учения, выраженного в Евангелии от Матфея, и исчезнувшее во времена Константина после вселенских соборов, в результате смещения центра тяжести христианства на одну «метафизическую» сторону[16].

27 окт. 1904 г. Д.П. Маковицкий запротоколировал высказывание Толстого о том, что

> Редко у кого (у одного на тысячу) найдется религиозное сознание, что не до́лжно противиться злу. Все думают о том, какие из этого выйдут последствия для государства. … Ученые люди придают объективным делам значение, но не признают религиозного сознания[17].

По мнению Толстого, к писателям, обладающим религиозным настроением принадлежат «Диккенс, Гюго, Руссо. Никогда не теряет нравственной точки зрения и Кант»[18].

В 1897–1898 гг., Толстой, противник прогресса, признал его объективность. В вариантах трактата *Что такое искусство?* он писал:

> С тех пор, как мы знаем жизнь человечества, мы не можем не видеть, что оно постоянно движется от невежества к знанию, от жестокости к доброте, от разъединения к единению, от зла к добру[19].

Истинный общественный прогресс виделся Толстому «в большем и большем единении людей» (55, 118).

В последний период жизни, в период «пробуждения к истине», давшее Толстому «высшее благо жизни» и «спокойствие в виду приближающейся смерти» (34, 348), он, по-прежнему, ищет определение прогресса. 14 нояб. 1898 г. он предельно ясно высказался о нем:

Прогресс нравственный человечества происходит только оттого, что есть старики. Старики добреют, умнеют и передают то, что они выжили, следующим поколениям. Не будь этого, человечество не двигалось бы. ... Если человек смотрит на жизнь материально, то старики не лучшают, а хужеют, а прогресса нет (53, 213–214).

В результате исканий «поздний» Толстой вновь утверждается в мысли, что технический прогресс не улучшает нравы: (Дн. 3 янв. 1904 г.):

Я сначала думал, что возможно установление доброй жизни между людьми при удержании тех технических приспособлений и тех форм жизни, в которых теперь живет человечество, но теперь я убедился, что это невозможно, что добрая жизнь и теперешние технические усовершенствования и формы жизни несовместимы. Без рабов не только не будет наших театров, кондитерских, экипажей, вообще предметов роскоши, но едва ли будут все железные дороги, телеграфы. А кроме того, теперь люди поколениями так привыкли к искусственной жизни, что все городские жители не годятся уже для справедливой жизни, не понимают, не хотят ее (55, 4).

Здесь вновь появляется излюбленный мотив сопоставления прошлого и настоящего, «сначала» и «теперь». «Сначала» – это пора прошлой веры в прогресс, «*теперь*» – это время технического прогресса, искусственная жизнь.

Таким образом, идея прогресса в интерпретации Толстого приобретает этическую «переакцентуацию». Вся совокупность суждений Толстого о прогрессе: генезис от детской веры в Бога к вере в прогресс, затем разочарование в нем из-за нереальности теории прогресса объяснить смысл жизни. В результате исканий Толстой приходит: во-первых, к убеждению, что истинный прогресс это – прогресс нравственного совершенствования; во-вторых, что основанием прогресса человечества является «религиозное сознание», то есть нравственное сознание. Противопоставление культура – прогресс оформившееся в сознании писателя очень рано, становится сквозным мотивом его творчества.

Примечания

[1] ***Руссо, Жан-Жак.*** Трактаты. М., 1969. С. 11.

[2] ***Бахтин М.М***. Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 241.

[3] ***Толстой Л. Н***. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. М., 1928–1958. Т. 48. С. 17. Далее сноска на это издание дается в тексте в скобках с указанием тома и страницы.

[4] Ложным искусством Толстой называл безрелигиозное искусство: «Очень важная дорогая мне мысль. Обыкновенно думают, что на культуре, как цветок, вырастает нравственность. Как раз обратное. Культура развивается только тогда, когда нет религии и потому нет нравственности (Греция, Рим, Москва)» (54, 73).

[5] «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это, или дурно. Это есть, – в нем жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией» (55, 145).

[6] ***Бердяев Н.А***. Л. Толстой // Н.А. Бердяев о русской философии: В 2 ч. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 41.

[7] Там же.

[8] ***Женетт, Жерар***. Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 101.

[9] Стива Облонский, герой более отрицательный, чем положительный, вступается за право женщин быть образованными, независимыми, за их устремление брать на себя обязанности традиционно мужские. Авторскую позицию, что основное дело женщины – в семье, своей или чужой, разделяет Долли, героиня идеальная, и любимец автора, старый князь, который заявляет, что все эти новомодные женские притязания абсурдны. В стороне от разговора главные герои сцены, Константин Левин и Кити Щербацкая, заняты своим особым «каким-то таинственным общением». Именно в этом таинственном общении, по Толстому, разгадка спора: любовь, семья, продолжение рода – здесь и только здесь все «обязанности» и все «права» женщин, здесь – поле для ее героизма.

[10] Одна только Марья Дмитриевна Ахросимова в *Войне и мире* не боялась идти против течения. Она «позволила себе прямо выразить свое, противное общественному, мнение». Встретив Элен на бале, она «остановила ее посередине залы и при общем молчании своим грубым голосом сказала ей: – У вас тут от живого мужа замуж выходить стали. Ты, может, думаешь, что ты это новенькое выдумала? Упредили, матушка. Уж давно выдумано. Во всех...... так-то делают. – И с этими словами Марья Дмитриевна с привычным грозным жестом, засучивая свои широкие рукава и строго оглядываясь, прошла через комнату» (11, 286).

[11] См. об этом: ***Галаган Г. Я***. Указ. соч. Л., 1981. С. 51–54.

[12] См. ***Руссо, Жан-Жак.*** Избр.соч.: В 3 т. М. 1961 Т. 1. С. 124, 155.

[13] ***Руссо, Жан-Жак***. Трактаты. М., 1969. С. 72.

[14] ***Kidd, Benjamin.*** Social evolution. London; New York, 1894.

[15] Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого, Ottawa, 2002. (Tolstoy Series. 5). С. 247.

[16] См. об этом: ***Асмус В. Ф.*** Религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого // Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. М., 1928–1958. Т. 23. С. XV.

[17] ***Маковицкий Д. П.*** Указ. соч. Кн. 1. С. 98.

[18] Там же. С. 99.

[19] Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого (Tolstoy Series. 5). С. 247.